

"Вкус свободы"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Сергей Лукьяненко

Вкус свободы

Перрон был пуст.

Я постоял немного на цветном бетоне, глядя на вагончик монора. Медленно сошлись прозрачные створки двери, вагон качнулся, приподнялся над рельсом и ровно пошел вперед. Пустой вагон, уходящий с пустого вокзала.

А чего я еще, собственно говоря, жду? Ночь. Нормальные люди давным-давно спят.

Я двинулся по перрону, стараясь наступать лишь на оранжевые пятна. Цветной бетон вошел в моду лет пять назад, и у мальчишек сразу появилась игра – ходить по нему, наступая лишь на один цвет. Достаточно сложно, между прочим. Приходится то семенить, то прыгать, то идти на цыпочках, опираясь на крошечные пятнышки выбранного цвета.

Сейчас оранжевая дорожка вела меня вдоль длинной шеренги торговых автоматов. Чувствуя мое приближение, они включали рекламу, и я шел сквозь строй довольных, веселых, пьющих колу, жующих горячие бутерброды, моющих волосы шампунем от перхоти, слушающих исключительно «Трек», курящих безникотиновые сигареты людей. Я даже посмотрел, не удастся ли пройти к автоматам и взять баночку колы. Но оранжевых пятен между мной и колой не было. Я двинулся дальше – вдоль жизнерадостно клацающей дверями стены вокзальчика, мимо информ-терминалов, телефонов, мимо пологих спусков с перрона, ведущих к городку. Судя по надписи над вокзалом, почему-то несветящейся, незаметной, город назывался Веллесберг. Я в общем-то ехал в городок китайских переселенцев И Пин, но за пять часов монор надоел мне до отказа.

Оранжевые пятна перешли в оранжевые брызги, а затем – в редкие островки оранжевого цвета. Но пути с перрона все не было. Я шел и шел вдоль тускло-серого рельса, увлекшись игрой так, что не заметил – на перроне я не один.

- По оранжевым вниз не сойдешь, – слышалось из-за спины.

Я обернулся. В стене вокзала была глубокая ниша с широкой скамейкой. На ней и сидел говоривший – мальчишка моего возраста, судя по голосу. Впрочем, взрослого я почувствовал бы по запаху, еще только выходя из вагона. Взрослые пахнут сильно в отличие от детей.

- Уверен? – поинтересовался я.

- Абсолютно.

По-русски он говорил совсем чисто. Ничего удивительного, здесь много наших летом отдыхает.

Пожав плечами, я сказал:

- Меняю цвет на красный.

Это уже как бы не совсем чистая победа – поменять цвет. Но на соседний по спектру – можно. Я шагнул на алую кляксу.

- По красным не выйдешь, – словно бы с удовольствием сказал мальчишка. – Ни один цвет не дает выхода. Если честно играешь – не выйти. Это специально, чтобы дети не играли возле

путей. Так-то, дружок...

Я разозлился. Называть меня дружком или сравнивать с детьми никто не имел права. Тут дело не в биовозрасте. Тем более что нахал никак не мог быть старше меня.

С места, отчаянно оттолкнувшись, я прыгнул по направлению к скамейке. Перед ней была полоска красного бетона, и... К сожалению, я не Гвидо Мачесте, непревзойденный чемпион по прыжкам без разбега. Растянувшись перед нишей, я ткнулся лицом в бетон, а макушкой – в босые ноги обидчика.

- Не допрыгнул, – насмешливо прокомментировал он мои действия. – Ни один цвет не дает выхода, понял? Выхода нет, дружок. Выхода нет.

Я медленно поднимался, между тем знаток веллесбергского вокзала с ноткой искреннего сочувствия спросил:

- Ударился-то не сильно, а?

Но я уже не обращал внимания на интонацию и слова. И на то, что запаха вражды не было, тоже.

Видели бы меня сейчас психологи регионального Токен-центра... В носу хлюпала кровь, разбитая губа ныла, по щеке словно наждаком провели. Не говоря ни слова, я ринулся на собеседника. Несколько секунд мы просто боролись, он явно ждал драки и угадал мой рывок. Потом, вырвавшись, я саданул ему по лицу – несильно, вскользь, получил в ответ под дых, еще разок достал противника – теперь уж посильнее...

По телу прошла дрожь, уши заложило от нестерпимо тонкого писка. Я застыл, отшатываясь от своего неожиданного врага. Потом запустил руку в карман рубашки, вытащил маленький металлический диск. В центре Знака тлела, медленно угасая, оранжевая искра. Посмотрел на своего собеседника – и обомлел. В его руках тоже тухла светящаяся точка.

Сейчас я разглядел мальчишку получше. Он был полуголым, в одних шортах, в карман которых и отправился сейчас отключившийся медальон. На груди у него болтался какой-то амулет, слабо поблескивая в темноте. Волосы торчали в разные стороны гребнями.

- Вот идиоты... – прошептал мальчишка. – Устроили драку, как дети.

- Ага, – виновато подтвердил я. – Это вызывник сработал?

- Да. Что, не слышал раньше?

Я покачал головой.

- Я Игорь, – сообщил мальчишка, хватая меня за руку. – Давай за мной...

- Положено дожждаться... – начал было я.

- На положено – бревно заложено, – отрезал Игорь и нырнул в темноту. Мгновение поколебавшись, я последовал за ним.

Мы успели пробежать мимо флаерной площадки. Пара прокатных машин стояла под зелеными огоньками, над одной – то ли бронированной, то ли незаправленной – горел красный; миновали абсолютно пустую автостоянку; несколько торговых павильончиков; и лишь тогда

взвыли сирены. Прямо на перрон садились два флаера, полицейский и медицинский, можно не сомневаться.

- Догонят, - выдавил я. В горле почему-то пересохло. Зато нос хлюпал и кровил.

- Еще чего. - Игорь согнулся, положив руки на коленки и глубоко дыша. То ли всматривался в садящиеся машины, то ли отдыхал. Я подумал, что, несмотря на задиристость, он силой не отличается.

- Дадут приказ на Знаки и выйдут по пеленгу, - предположил я.

- Ерунда. - Игорь был абсолютно спокоен. Он уверенно выбрал одну из дорожек, украшенную неработающими фонарями, и двинулся по ней. Мне же бросил: - Пошли, минут через двадцать будем в городе.

Торчать в привокзальном парке, в ста метрах от полиции, было бы просто глупо. Догнав Игоря, я спросил:

- Уверен, что за нами не погонятся?

- А зачем? Поступило два одномоментных сигнала о легкой агрессии. Ясно, что два дурака дали друг другу по морде. Полиция прибыла, убедилась, что драки уже нет. Зачем нас догонять? Мы же откажемся от обвинений, верно? Заявим, что давние друзья, а напал на нас незнакомый мужчина...

Он хмыкнул и закончил:

- Белые мундиры не идиоты носят. Что, охота им ловить несуществующего маньяка?

Некоторое время мы шли молча. Знаки молчали, значит, полиция и впрямь не собиралась искать нас по пеленгу. Потом я спросил:

- А что ты не вынешь вызывник из Знака?

Вопрос был дурацкий. Хотя бы потому, что на встречный вопрос: «А почему сам ходишь с вызывником?» - был лишь один ответ. Знак я получил меньше недели назад и в течение полугода не имел права отключать блок контроля. Но Игорь спокойно ответил:

- Пусть детишки свои знаки уродуют. Мне вызывник трижды жизнь спасал.

Я ему не поверил. Довести себя до критического состояния, чтобы Знак вызвал экстренную помощь, - это надо очень постараться.

- Почему фонари не работают? - сменил я тему разговора.

- Город перегружен, - с готовностью объяснил Игорь. - Здесь много научных центров, сейчас проходят две конференции, плюс курортный сезон... Энергии не хватает, гостиницы забиты.

- Ясно. А зачем мы идем на пристань? - спросил я.

Игорь замолчал. Вокруг было темно - едва-едва угадывалась под ногами поверхность дорожки, да и то из-за вмурованной светоотражающей крошки. И тишина - лишь шлепает босыми ногами Игорь и подошвы моих кроссовок тихонько наигрывают «Пора в путь-дорогу...». Отключить, что ли, достала уже эта музыка...

- Откуда знаешь, куда мы идем? - спросил наконец Игорь. - Бывал тут раньше?
- Первый раз. Морем пахнет, - объяснил я. - И озон - как от зарядной станции. На берегу скорее лодочная станция, чем автостоянка, верно?
- Ничего не чувствую, - старательно принюхавшись, сообщил Игорь. - Ну и нюх у тебя... как у индейца. Чингачгук...
- Михаил. Просто я мутант.
- А, понял. Если еще подеремся, я тебя не буду бить по носу, - после короткой паузы пообещал Игорь.

Я против воли усмехнулся. Бей не бей - это ничего не изменит на самом-то деле. У меня рецепторы запаха не только в носу. Но сама реакция мне понравилась. Я уже давно привык, что половина ребят, как только узнают, что я мутант, не хотят дальше общаться. Говорить этого я не стал, а повторил:

- Так зачем мы идем на пристань? Ты что, утопить меня хочешь? Так я хорошо плаваю, учти.
- Псих! - неожиданно резко огрызнулся Игорь. - Я там живу...

Несколько секунд он молчал, потом добавил:

- Не шути так, Мишка. Меня однажды топили. Это очень неприятно.

Пока я пролистывал телефонный справочник, Игорь возился на кухне. Он готовил яичницу, причем не из порошка или брикета, а настоящую, из яиц. В маленькой кофеварке варился кофе - тоже настоящий, из только что смолотых зерен. От еды я решил не отказываться: вот уже неделю, как приходилось жрать только синтетику.

- Что ты там ищешь, Чингачгук? - поинтересовался Игорь, пытаясь одной рукой разбить яйцо над сковородкой, а другой - достать чашки из шкафа над мойкой.

Мебель на кухне была обычная, на взрослого. Значит, муниципальная квартира и живет в ней Игорь недавно.

- Ну... мало ли.

Краем глаза я поглядывал на него, уж очень забавно Игорь выглядел при свете. Прическа у него оказалась из семи разноцветных гребней. В левом ухе серьга, на груди старый автоматный патрон на цепочке.

- В гостиницах остались только платные места, учти. А с работой... - Игорь презрительно хмыкнул и не закончил фразы. Зато доброжелательно предложил: - Можешь пожить у меня. Я вот работаю, потому что хочу нормально поесть и купить хорошую одежду.

- Сейчас ты в ней нуждаешься, - не удержался я.

- Ага. - Игорь победоносно закончил сражение с яичницей и принялся разливать кофе. - Я на югах болтался, там и в шортах жарко. А носить бесплатную синтетику не собираюсь... Живи у меня, Мишка.

- Все равно я хочу найти работу, - упрямо повторил я. - Без денег неуютно.

- Совсем пустой?

Пожав плечами, я полез в карман, выгреб горсть монеток и несколько бумажек, положил на стол среди хлебных крошек и яичной скорлупы. Большинство это были обычные монеты, которые есть у любого мальчишки, считающего себя нумизматом: советские гривенники, американские центы, монгольская алюминиевая мелочь, российские копейки. Но были и редкости - казахский тенге с портретом какого-то президента, в начале века изъятый из обращения и почти весь уничтоженный, уральские четыре рубля - единственная в мире монета такого странного номинала, полная серия «поляничек» - денег московского княжества.

Игорь сразу же завладел «поляничками», запаянными в прочный пластик. Завистливо оглядел и сказал:

- Тоже их собирал. У меня одной не было, где Петр Первый с подозрительной трубкой, она же самая редкая... Баксов двадцать за них дадут. Да еще десятку за четырехрублевку и тенге, и пару за остальное. Нормально! Ты богач!

Я подумал и решил, что Игорь прав.

- Как ты их еще не профукал, а? - Мой новый знакомый все крутил в руках коллекцию, и в глазах у него был азарт. Он и впрямь был коллекционер. Ну, несерьезный, конечно, а такой же, как я.

- За три дня не успел, - сказал я.

- Какие такие три дня?

- Я во вторник из дому ушел.

Игорь отложил мои сокровища:

- Seriously?

- Да.

- Тебе лет сколько? - Он построил фразу немножко странно, так иногда говорят взрослые, когда пытаются подчеркнуть свой возраст. Будто в возрасте скрыто какое-то преимущество.

- Тринадцать.

- Точнее!

- Тринадцать лет три месяца и двадцать дней! - ехидно сообщил я.

- Блин, ты старше меня... мне только два месяца назад тринадцать стукнуло.

- Поздравляю.

- Зато я получил гражданские права в двенадцать лет ровно! - сообщил Игорь.

- И что с того? Лешка Филиппов все права получил в десять. Мария-Луиза де Марин в восемь лет семь месяцев и...

Игорь ухмыльнулся:

- Ты крайности не бери. На самом-то деле только один из десяти тысяч признается полноправным гражданином мира раньше двенадцати лет.

- Я бы еще лет пять не признавался, - сказал я. - Как в двадцатом веке. На фиг мне это надо.

Игорь кивнул:

- Понятно. Ладно, все ясно, ты парень-камень, на вопросы отвечать не любишь, про жизнь свою гадкую рассказывать еще не привык...

Я ничего не ответил. Игорь шлепнул на стол скворчащую сковороду, тарелку с хлебом, вилки:

- Лопай.

Упрашивать себя я не заставил.

Вот почему так происходит? На вкус вроде бы и никакой разницы нет, что синтетическая пища из бесплатных кормушек для чмо, что нормальная еда из естественных продуктов.

А все равно... синтетику жрешь через силу, только потому, что знаешь - надо...

- Это жизнь, - сказал Игорь.

Я посмотрел на него.

- Вкуснее потому, что в этой еде - жизнь, - сообщил он. - Курочки несли яички, из них должны были вылупиться птенчики... А мы их лопаем. Эмбриончиков куриных. Белок, жиры, углеводы - все это фигня. Жизнь мы жрем. Чужую. Мы - живые. Значит, должны чужую жизнь поглощать. А синтетика - обман желудка!

- Ты телепат? - прямо спросил я. Мне стало не по себе, и я наплевал на правила хорошего тона.

- Нет, ничуть. Я не мутант. Повышенная способность к эмпатии, вот и все. Ты ведь думал о том, почему нормальная еда лучше синтетики, верно? Я это почувствовал. У меня бывает.

- Да, я думал об этом, - честно сказал я. - Только вряд ли дело в том, что мы... такие. Что нам убить кого-то надо. Сожрать. Просто вся эта синтетическая жратва - она несовершенная. Наверняка упущены важные компоненты...

На лице Игоря появилась сладкая улыбка.

- Ага... Ну как хочешь. Тогда лопай свои важные компоненты, а то я ждать не буду.

Минут через пять мы закончили с яичницей. Игорь похлопал себя по животу, потянулся за кофеваркой. Небрежно спросил:

- Так что ты собираешься делать?

- Жить.

Игорь поморщился:

- Мишка, ты не в Токен-центре тесты сдаешь... Я тебя не спрашиваю, почему ты ушел из дому. Мне интересно, зачем ты ушел.

- Чтобы жить, - честно попытался я объяснить. - Я ведь имею теперь право на бесплатное жилье в городе с населением менее ста тысяч?

- Имеешь, - весело подтвердил Игорь. - И получишь, спору нет.

- Я в И Пин ехал, - сказал я. - Это где китайская колония. Говорят, они нормально относятся... к таким, как мы.

Игорь ухмылялся. Игорь открыл ящик стола, достал оттуда пачку сигарет и зажигалку. Спросил:

- Будешь?

- Нет.

- Это не травка, не бойся. Обычные безникотиновые сигареты.

- Все равно не буду, - беря свой кофе, сказал я. - Игорь, а как здесь относятся к нам?

- К детям, что ли? - выпуская клуб дыма, спросил Игорь.

- К детям, получившим Знак Самостоятельности.

- Да нормально относятся, как везде, - лениво сказал он. Голос у него изменился, и если бы не явный запах табака и горелой бумаги, я бы заподозрил, что он курит травку. - Ты не комплексуй. И в страшилки не верь. Везде в мире к детям, доказавшим свое право жить самостоятельно, относятся одинаково... - Он выпустил еще один клуб дыма и закончил: - Никак...

Я ничего не сказал. Смотрел, как он курит. Дым был красивый - шершавый, как наждак, сиреневый, шелестящий.

- На что уставился?

- Дым. Шикарно выглядит.

Игорь посмотрел на меня, как на идиота.

- Чего в нем шикарного? Дым как дым... черт...

Он торопливо загасил сигарету прямо в сковородке.

- Ты же мутант... тебе неприятно, да?

Вот как ему объяснить...

- Тут другое, - попробовал я. - Понимаешь, я запахи по-другому чувствую.

- Как по-другому?

- Я их вижу, слышу... даже тактильно ощущаю. Вот ты куришь, и дым - шероховатый. И

шуршит, как песок.

Глаза у Игоря округлились.

- Что, серьезно? И ты все так видишь?

- Ага. Вот у тебя в ванной комнате шампунь с запахом лимона. Только не радуйся, это синтетический запах. Если был бы настоящий, то пиццал бы тоненько и не был такой гладкий... а с шершавинкой... понимаешь?

- Обалдеть! - с чувством сказал Игорь. - Я знал одну девчонку, с усиленным зрением. Так у нее все очень просто было. Когда хотела, перестраивалась на режим дальнего зрения, когда хотела - на ближний режим. Знаешь, у нее так смешно глаза менялись - то вперед выпучиваются, то вытягиваются, и радужка то каряя, то голубая... Но она говорила, это то же самое, словно в бинокль или микроскоп смотришь...

- А вот у меня - так, - ответил я.

Игорь замолчал.

- Извини. Я понял, ты об этом не хочешь говорить.

- Да брось, спрашивай сколько угодно... - отмахнулся я.

- Забыл, что у меня способности к эмпатии? - спросил Игорь.

Я посмотрел на него. И почему-то не стал врать:

- Забыл. Да, не хочу я про это. Спасибо.

Игорь встал из-за стола, быстро сложил посуду в моечную камеру. Зевнул:

- Ты спать не хочешь?

- Хочу. Я в моноре спал, но там шумно.

- У меня кровать одна, ты ложись на диване, - предложил Игорь. - Или могу кровать уступить. Мне все равно где спать.

- Я на диване, - торопливо сказал я. Мне действительно было неудобно. Вначале подрался, причем ведь сам начал, потом в гости завалился, настоящей еды поел. Теперь еще хозяина с кровати согнать - и совсем молодец буду.

* * *

Игорь прав, конечно. Не люблю я о себе говорить.

Когда я был совсем еще маленьким и не понимал, как сильно от других отличаюсь, то иногда что-нибудь такое ляпну... и все смеются. Особенно взрослые, которые знали, что у меня условно-положительная мутация. Наверное, смешно, когда подбегает карапуз, водит рукой в воздухе и говорит: «У тети духи шуршат!» Они ведь действительно шуршали...

И эти проверки! Каждый месяц, сколько себя помню. Пробирки, в них бумажки, и каждая чем-то смочена... «Мишенька, как ты ощущаешь этот запах? Светящаяся полоса? Вибрирует?

Молодец, Мишенька. А ты помнишь, как пахнет молоко? А на каком расстоянии ты чувствуешь человека? Да, взрослого... Ну, пусть летом... да, потного... Правда?» Это вначале интересно. Потом скучно. А потом просто противно.

«Миша, сосредоточься, пожалуйста. Давай проследим закономерность между запахами полыни и вещества сто тридцать шесть прим... Только общая звуковая тональность? Миша... нельзя ли подойти чуть ответственнее? Цвет? Сосредоточься!» Играть в прятки и находить всех по запаху было интересно. Потом со мной перестали играть в прятки. А потом вообще перестали играть. Это когда поняли, что я чувствую чужую неуверенность. А как ее не почувствовать – бледно-сиреневое кольцо запаха, с визгом расходящееся от человека...

«Михаил, тестовую группу „гамма-6“ надо повторить... Почему? Как колет? Слово иглы? Это очень болезненно? Михаил, а давно тактильные ощущения приобрели болевой характер? Почему ты не говорил раньше? Ты понимаешь, сколько людей заняты изучением твоих способностей? Нет, Михаил. Это не только твое дело. Твои возможности уникальны. Михаил, неужели ты не можешь немного потерпеть? Твои ощущения субъективны, никакого реального вреда для здоровья нет...» Я долго думал, что стоит только пожаловаться родителям, и все это прекратится. Навсегда. Ведь они не могут не понять...

А они слишком хорошо все понимали. Это был папин проект. Его самое удачное изменение генома... собственного генома. Его слава, его успех, его вклад в науку. Деньги, наверное, тоже. Но деньги тут были совсем не главным, врать не стану.

Я был экспериментом. Мое рождение было запланировано, на него было получено особое разрешение. Мама и папа подписали документы о том, что в случае появления у меня безусловно-негативной мутации они не возражают против эфтаназии.

Кстати, от меня они этого не скрывали.

Но никаких негативных мутаций не было. Все прошло хорошо. Угрозы для общества я не представляю. У меня даже комплексов нет по этому поводу. Я ведь знаю, чем кончился пятнадцать лет назад эксперимент по созданию людей со способностью прямого взаимодействия с компьютерами. Виртуальный клон последнего из них выследили и уничтожили только в прошлом году.

Так что я не боялся, совсем не боялся, что меня могут в любой момент усыпить. И когда сдавал тесты на психологическую и эмоциональную зрелость, вовсе не хотел отомстить родителям. Зря мама кричала, когда я уходил. Я их не ненавижу. Я их даже люблю.

Я только хочу быть самим собой.

Поэтому и получил Знак Самостоятельности. Стал таким же равноправным членом общества, как любой взрослый. Первым делом потребовал все документы по своей мутации, думал, может быть, она устранима. Оказалось, что нет. Если меня лишит обоняния, то зрение и слух тоже исчезнут.

Тогда я и ушел из дому...

Проснулся я уже довольно давно, но все лежал в постели, не открывая глаз. Игоря в доме не было, это я по запаху чувствовал. Зато он оставил на столе завтрак и записку – чернила еще не застыли окончательно, и я их слышал.

Это удобно, очень удобно. Тут мама и папа правы. Они только не понимают, что дали мне

слишком много. Куда больше, чем я могу переварить.

Я наконец-то решился и открыл глаза. Первые секунды трудно – весь мир пахнет, и все это приходится видеть. Чем больше вокруг техники и синтетики, тем труднее. Я раньше называл эти запахи «злыми»...

Хорошо, что в этом домике только гарантированный обществом минимум техники.

Я пошел в ванную. Там нашелся разовый санитарный пакет, в который входит все – от зубной щетки и полотенца до презерватива и туалетной бумаги. Обожаю эти пакеты, в них не кладут парфюмерию с сильным запахом. Потом я оделся, поел и вышел из дома.

Море было совсем рядом. У маленькой дощатой пристани покачивались на воде катера. Чуть в сторону начинался пляж, сейчас еще совсем пустой, только десяток мелких ребяташек под присмотром учителя бегали по мокрому песку вдоль берега. Наверное, тренировалась какая-то спортивная секция.

- Эгей!

Игорь сидел на раскладном стульчике. Он был в одних плавках и мокрый, уже успел искупаться.

- Ты поел?

- Да, спасибо. - Я подошел ближе. - Загораешь?

- Работаю! - возмутился Игорь. - Не видно разве?

Он пнул ногой кредитный сканер, валяющийся на песке.

Сканеру было все равно – это специальная модель.

Я постоял, глядя на море.

- Игорь, а почему ты работаешь здесь? Любишь море?

Он неопределенно дернул плечами.

- А все-таки? Платят хорошо?

- Копейки.

- Тогда...

- Мишка, ты что, совсем лопух? - Игорь говорил резко, но, судя по запаху, был совершенно спокоен. - Знаешь, какой процент безработных в Европе?

- Тридцать с чем-то...

- Тридцать семь. Ну, пускай из них половина не хочет ничего делать и готова жить на пособие. Чмо- оно и есть чмо. А остальные вовсе не прочь подзаработать. Мне эту-то работу дали только из-за возраста.

- Как из-за возраста? У тебя есть Знак, значит, никто не вправе дискриминировать...

Игорь захихикал:

- Вот именно. Потому и дали работу. Чтобы не доказывать в суде, что хотели унижить меня по возрастному признаку. И тебе также дадут, не беспокойся!

- Я так - не хочу! Сидеть на стуле и водить кредитками по сканеру...

- Да? - Игорь заинтересовался. - Не хочешь? А, простите за нескромный вопрос, какое у вас образование, кроме базового? Ты специалист в области программирования? Имеешь право на вождение пассажирского или грузового транспорта? Диплом врача? Или диплом преподавателя? - Он хихикнул.

- Нет, - честно сказал я. - Базовый курс образования. Ну и все обязательные профессии...

- Ага. Пользователь информационного терминала и оператор торговых автоматов. Меньше умеют только дебилы. Миша, ты пойми...

У него опять начался этот менторский тон. Но я не возмущался. Я слушал.

- Никто не будет тебя дискриминировать! Не надейся! Никто и никогда не скажет тебе... в лицо... что ты всего-навсего сопляк с железякой на цепочке... В Европе и в Северной Америке - точно не скажут. Тебе даже будут давать больше, чем другим, лишь бы избежать обвинений в социальной некорректности. Но и всерьез тебя никто не воспримет.

- Посмотрим...

- Давай. - Игорь усмехнулся. - Как найти центр занятости, подсказать?

- Справлюсь.

- Успехов. - Игорь вытянулся на стульчике, раскинул руки. - Валяй! Вечером приходи, поделишься впечатлениями, ладно?

Я развернулся и молча зашагал по дорожке. Кроссовки тихонько напевали «Скатертью-скатертью дальний путь стелется...». Хорошие кроссовки. Не бесплатные. В социальный минимум не входят. Мне их подарила мама на день рождения.

Центр занятости был недалеко. Я даже не стал брать напрокат машину, пошел пешком, хотя на два часа пользования в день у меня право есть. Пусть лучше часы суммируются. Как-нибудь возьму машину и отправлюсь путешествовать. Вот только решу все с работой и жильем...

В центре пришлось минут пятнадцать посидеть в очереди. Людей было немного, но и очередь двигалась неспешно. В основном в ней сидели азиаты и арабы, но были и две девушки, говорившие по-русски, и несколько местных.

На меня поглядывали. Но вроде бы равнодушно. Только от девушек шел запах любопытства.

Потом подошла моя очередь.

Служащий центра мне понравился. Был он молодой, добродушный, весело улыбнулся, жестом указал на кресло перед своим столом, потом вопросительно посмотрел на кофеварку. Я кивнул, решив, что тоже могу поиграть в молчанку.

Кофе был синтетический. Может быть, очень хороший и для обычных людей почти

неотличимый от настоящего, но я-то вижу сразу...

- Ищете работу? - полюбопытствовал служащий, как будто я был его старым приятелем и мог заглянуть в центр занятости просто так.

- Да.

- Позвольте?

Я протянул ему Знак. Служащий провел им над сканером, вернул мне обратно. Хмыкнул. Подпер ладонью подбородок, глядя на экран.

- Так... у вас есть права персональной ответственности... но нет прав на ответственность общественную. Так?

- Да, - признал я.

- Значит, все вакансии, на которых от ваших действий зависит безопасность и благосостояние других граждан, мы вынуждены отбросить...

Он опять улыбнулся:

- Впрочем, их и нет в наличии! Так что вы ничего не теряете!

- А какая работа есть? - спросил я и вдруг почувствовал в своем голосе жалобные нотки.

Служащий вздохнул:

- Попробуем... посмотрим...

Его пальцы пробежали по клавиатуре компьютера.

- Ну, например... - Он снова вздохнул. - Торговля мороженым на пляже...

Я представил, как буду бродить среди отдыхающих с тележкой, одетый в белую форму и берет с нарисованными ягодками. Сказал:

- Это для детей работа. На каникулах подрабатывать.

Служащий долго смотрел в экран.

- Михаил... вам так хочется работать?

- Да.

- Позвольте спросить... зачем? - Он посмотрел мне в глаза. - Общество готово предоставлять любому человеку гарантированный социальный минимум. В него входит медицинское обслуживание, проживание в гостинице, пища, одежда, некоторое количество развлечений и транспортных услуг. Вы ведь это знаете?

- Я хотел бы приносить пользу обществу, - сказал я тупо, будто опять был на экзамене.

- Михаил... вы позволите? - Служащий достал сигарету.

Я кивнул.

- Как ни ужасно это звучит, - закуривая, сказал служащий, - вам не повезло, что вы родились в двадцать первом веке. С вашим характером...

- Откуда вы знаете мой характер? - резко спросил я.

- Вы позволите говорить откровенно? - спросил служащий.

- Конечно.

- Вы неделю назад сдали тесты и получили гражданские права. Я никоим образом не пытаюсь вас оскорбить, поверьте. И полностью признаю, что ваш интеллект заслуживает этого...

- Да не перестраховывайтесь, - сказал я. Мне вдруг стало интересно. Пожалуй, это был первый человек, ну кроме родителей, который откровенно говорил на эту скользкую тему. - Не собираюсь я на вас в суд подавать, можете прямо говорить, что я всего лишь мальчишка.

За эту фразу служащий наградил меня улыбкой.

- Я не об этом веду речь, молодой человек. Вы стали гражданином мира. Прекрасно! Но давайте признаем, что ваш жизненный опыт и способности естественным образом ограничены. Вы вольны жить где угодно, делать что угодно, получать от общества помощь... но вам ведь не это нужно? Вы хотите самоутвердиться. Доказать, и в первую очередь себе самому, что вы такой же, как все, ничуть не хуже. И, скажу честно, это говорит в вашу пользу. Но... мы живем в эпоху процветания. Сейчас не девятнадцатый и не двадцатый век. Нигде и никому не нужен неквалифицированный труд. Есть огромная потребность в высококвалифицированных специалистах, но для остальных остается торговля мороженым и воздушными шариками. Я образно говорю.

- Я образно вас понял, - буркнул я.

- Не обижайтесь. - Служащий взял себе еще кофе. - Я размышляю, чем вам помочь...

Я видел, что он не врет. Действительно пытается что-то придумать. И от этого становилось только тоскливее.

- У нас есть специальная работа для тех, кто считает себя незаслуженно невостребованным, - сказал вдруг служащий. - Творчество. Как вы отнесетесь, если я предложу вам стать художником, музыкантом, поэтом?

- Так у меня к этому нет способностей... - начал я. И тут же понял, о чем он.

- Способностей не надо, - спокойно ответил служащий. - Артистическая среда. Создание собственного художественного стиля. Например, будете рисовать белые квадратики на красном холсте. И станете основателем нового направления в искусстве. Но ведь это тоже - социальный клапан. Каждый человек хочет верить, что он кому-то нужен.

- Я хочу быть нужным по-настоящему! - воскликнул я.

- Верю! Потому и не пытаюсь предложить вам имитацию работы. - Служащий вздохнул. - Михаил, может быть, у вас есть какие-то особые способности? Ну хоть что-то, недоступное другим людям?

Вот до этого момента все было нормально!

А тут...

Сам он этого не заметил, ему казалось, что говорит он совершенно естественно. Но я-то видел. Будто серые иглы медленно посыпались с его кожи.

Запах настороженности. Запах двойной игры.

- Какие у меня способности... - вздохнул я.

Про мои способности «нюхача» он ничего знать не мог, не должен был. Эта информация тоже вложена в Знак, но доступна лишь врачам, а никак не мелким клеркам в офисе по трудоустройству.

- Жалко, - вздохнул служащий. - Тогда... наверное... боюсь, ничем не могу помочь. Кроме работы продавцом. Или творческой работы...

У него пошел новый запах. Легкого торжества. Доброжелательного, я и впрямь был ему симпатичен... но все-таки торжества.

Он меня загнал в ловушку.

- Так что же, - тихо спросил я. - Я формально человек вполне самостоятельный и обществу нужный. А на самом деле все, что мне могут предложить, - имитация работы?

- Да. - Служащий кивнул. - Буду с вами откровенен, ситуация такова. Как частное лицо я лишь могу вам посоветовать поступить в какой-либо университет, получить высшее образование...

- У вас же результаты всех моих тестов на экране, - сказал я. - Гляньте сами. К чему у меня есть ярко выраженные способности?

Служащий вздохнул:

- Боюсь, что особых способностей нет ни к чему. Но когда вы получите образование, с работой будет проще.

- Она ведь тоже будет такой... никому не нужной. Только я не по пляжу буду с тележкой ходить, а сидеть в конторе. Вроде вас.

- Наше время благоприятно для ярко выраженных личностей. - Он искоса глянул на меня. - Или для ярко выраженных бездельников. Первые живут очень полноценной жизнью. Вторые - довольствуются тем, что общество им дает. А вот «серединке», обычным, рядовым гражданам, труднее всего.

- Понимаю. - Я встал. - Спасибо. Я подумаю над вашими словами.

Служащий тоже поднялся, протянул мне руку:

- Подумайте, Михаил. И если вам удастся придумать какую-нибудь оригинальную область применения ваших знаний и умений... буду счастлив помочь!

Он мне разве что прямо не сказал, что знает, кто я такой.

- Обязательно! - сказал я.

Муниципальное кафе я нашел на соседней улице. Сел за свободный столик, ко мне сразу же подошел официант. Очень вежливый и важный. «Серединка» общества. Ему тоже когда-то хотелось стать великим и богатым. Он тоже ходил в центр занятости. И вот нашел свое место в жизни. Ему ведь нечего было предложить «оригинального».

А мне – есть что.

Только не хочется.

Я заказал несколько блюд из бесплатного списка. Все синтетическое, кроме хлеба.

Мне почему-то подумалось, что эти пищевые ограничения – немного нарочитые. Общество может себе позволить тратить на чмо гораздо больше.

Вот только какие тогда будут стимулы у людей?

Испытание изобилием. Мы это проходили в школе. Золотой век. Всеобщая сытость. Невиданный прогресс науки...

Нам всегда говорили, что это хорошо. В целом, наверное, да. А вот для каждого отдельного человека – возможны варианты.

Я ел суп, который только что развели из порошка горячей водичкой. Суп был вкусный. Только я видел все химические компоненты, которые в него добавлены. Уникум я. Очень ценный человек. Ходячий химический анализатор чудовищной силы.

И обществу, конечно же, неприятно, что я не хочу применять свои способности.

Как я мог быть таким наивным? Сел в монор и поехал через всю Европу. Свободный и независимый...

Вот только со Знаком на шее. А как иначе? Выбросить? Чтобы первый же полицейский заподозрил во мне убежавшего из дому ребенка?

Я живу в хорошее время, это правда. Нет больше войн. Нет больше голода. Преступности почти нет. И прав у людей – бери не хочу! Даже «дискриминации по возрасту» больше не существует. И уж точно никто не заставит своенравного мальчишку-мутанта делать то, что ему неприятно.

Но зачем заставлять, если можно вынудить?

Висит на цепочке Знак. Фиксируется сенсорами в транспорте, в магазинах, в кафе. И в каждом городе, куда я приеду, вежливый и доброжелательный человек объяснит мне, что под солнцем очень мало места.

Можно бунтовать. Можно болтаться по всему миру и ничего не делать. Но это не в моем характере, и те, кому надо, это знают.

Я встал, подошел к бесплатному видеofону. Нашел в списке центр занятости, набрал номер. И совсем не удивился, когда увидел на экране лицо моего недавнего собеседника.

- У меня вопрос, - сказал я.

- Да, Михаил. Пришла в голову какая-то идея?

Он весь был само внимание.

- Пришла. Если к вам обратится человек с условно-положительной мутацией... сверхвосприимчивостью запахов. Ему найдется работа?

- Крайне редкая мутация! - с чувством сказал клерк. - Разумеется, найдется. Насколько я знаю, любой научный центр, любая производящая фирма возьмут на работу такого человека. Никакие анализаторы, увы, не смогут его заменить. Прорыв в области синтеза новых лекарств, получения сверхчистых химических веществ... да в чем угодно! Наука, криминалистика, производство парфюмерии... надо ли мне вам это объяснять, Михаил?

- Не надо, - честно сказал я. - Мне это с рождения объясняют.

- Я только могу добавить... когда этот человек начнет работать, его мутация немедленно будет признана положительной и внесена в общий список. Любые родители смогут подарить своим детям такую интересную способность...

- Вы правда думаете, что она интересная? - устало спросил я. И прервал связь.

А вечером на вокзале немало людей...

Я стоял у информ-терминала и тупо смотрел на экран, на бланк электронного письма. Я посылал родителям короткие письма каждый вечер. Так они просили, да я и сам не хотел, чтобы они волновались...

Вот только сейчас я не знал, что писать.

- Собрался уезжать?

Я повернулся. Игорь ухмылялся, глядя на меня.

- Еще не знаю, - сказал я честно. Переступил, и кроссовки радостно пискнули: «Мы много дорог повидали на свете...» Нагнувшись, я наконец-то отключил у них звук.

- А я думал, ты все-таки зайдешь... - сказал Игорь. Искренне сказал.

- Скажи, ты тоже из тех, кто меня пасет? - спросил я в лоб.

- Понял уже? - Игорь усмехнулся. - Если уж меня, с моими слабенькими способностями эмпата, год доставали... такого, как ты, будут всю жизнь напрягать. Нет, Мишка. Я сам по себе. Я в эти игры не играю.

Он не врал. Хорошо, что я умею это видеть.

- За мной следят, Игорь, - пожаловался я зачем-то. - Мне сегодня дали понять... либо я делаю то, что нужно обществу, либо стану **чмо**, никому на фиг не нужным!

- Конечно, - чуть удивленно сказал Игорь. - А ты что думал? Так всегда было. Только если первобытный человек не хотел гоняться за мамонтами, хотя это у него получалось, товарищи могли его и съесть. Сейчас просто выкидывают на обочину.

- А свобода? - спросил я. Как будто Игорь в чем-то был виноват.

- А она у тебя есть. - Он снова усмехнулся. - Ты же ее получил, в полной мере. Не нравится вкус?

- Нет.

- Так извини. Другого не бывает.

Я посмотрел на бланк письма. Взял световое перо и быстро начертил на экране: «Больше писем не будет». И щелкнул по кнопке, отправляя свое последнее письмо родителям.

- Так что, ты уезжаешь? - спросил Игорь. - Если да, то можем поехать вместе. Куда-нибудь на юг, ага? Там тепло. А на пальмах синтетические бананы не растут.

- Ты такой легкий на подъем?

- Да я еще легче, чем ты думаешь, - засмеялся Игорь.

- Это ведь все равно проигрыш, - сказал я.

- Ага, - легко согласился он. - А у тебя два выбора. Либо проигрываешь и ты, и наше сытое, благополучное общество. Либо выигрывает общество... ну и ты тоже.

К перрону медленно подкатил монор. В вагончик вошли несколько человек.

- Ну, едем или остаемся? - нетерпеливо спросил Игорь. - Не люблю долго раздумывать!

- Если дойду, то поехали, - сказал я. - Синий!

И прыгнул на узкую синюю полосу цветного бетона.

- Ну сколько тебе объяснять? - Игорь поморщился. - Не дойдешь. Никак. Так уж придумано!

- Верю, - согласился я. - Только знаешь, я все равно буду пробовать. Всегда.